

Диагноз: СЛИШКОМ ТАЛАНТЛИВ

Забытый Савинов в МЦИ

В Московском центре искусств "живых" практически не выставляют. Только проверенных временем классиков или, наоборот, творцов забытых и малоизвестных, но в нынешней художественной ситуации перспективных. Как, например, Александр Савинов.

Художник, порицаемый в начале XX века Александром Бенуа за блестящую, но поверхностную виртуозность, критиками – за "слишком бросающуюся в глаза талантливость", а собственной художественной тусовкой за вторичность ("умиrotворенный Врубель"), Савинов на протяжении последних пятидесяти лет был забыт весьма основательно. Его работы, правда, все это время хранились в Русском и Третьяковке, музее некогда оконченной им Петербургской академии художеств и галерее родного волжского города Саратова. Хранились, но никогда не выставлялись. Теперь, когда ниша "недооцененных", добротных художников второго ряда, тех самых крепких и даровитых "среднячков", на которых и держится "стиль эпохи", стала популярна и среди профессионалов, и среди собирателей, появились все основания вновь напомнить миру о еще одном мирискуснике.

Он начинал очень успешно и был из тех, кто имел все шансы войти в плеяду чтимых и лучших. Воспитанник Репина, Савинов получил по окончании академии пенсионерскую поездку в Италию. Много выставлялся, был обласкан прессой и заказами. Писал портреты, потом росписи, в частности для храма Спасителя в харьковской усадьбе Натальевка сахарозаводчика-«миллионщика» Харитоненко. Революция, голод в Поволжье, отсутствие заказов и работы вынудили художника заняться преподаванием, а желание понять суть происходящих преобразований и как-то приспособить свои умения к новой реальности заставили вновь поехать в столицу, теперь уже в Петроград. Однако ни с преподаванием, ни с приспособлением к новым условиям у Савинова не заладилось с самого начала. Пока товарищ его юности и соученик Исаак Бродский реализовывал себя на ниве соцреализма, Савинов, привыкший к многолетней и многотрудной работе над фресками, маялся, пытаясь в течение долгих лет воплотить счастливый советский миф в так и неоконченных гигантских полотнах – "Парке культуры" и "Саратовских оврагах". В 1937-м курс его студентов разогнали, а самого художника отстранили от преподавательской деятельности за "политически вредный формализм", "мрачность и темноту живописи". Никакой надежды на мо-

нументальный госзаказ не оставалось.

Савинов, будучи в искусстве человеком тонко чувствующим, оказался удивительно нечувствительным к конъюнктуре времени. Он словно не замечал ее, пребывая в собственном мире ренессансно гластичных фигур, любовно совершенствуемой живописной фактуры, цветовых пятен и мазков. Скованный академической великолепной выучкой, с генетическим кодом передвижничества в крови, Савинов никогда не решался на откровенные эксперименты с живописью, поэтому сегодня его эскизы и неоконченные наброски нередко смотрятся живее и интереснее холстных полнометражек. На выставке, собравшей далеко не все работы, с которых надо начинать знакомство с художником, есть лишь один такой портрет. Его собственный. Неоконченный и оттого необычайно много говорящий о том, что могло, но не случилось для русского искусства в этом художнике. Для тех, кто хочет пойти дальше, предназначен сопровождающий выставку буклет, в который, кроме экспонируемых, вошли и работы, отсутствующие в залах на Неглинке.

Сам Савинов о судьбе их заботился мало. Он умер в блокаду шестидесяти лет от роду от недоедания, старости и уныния. Умер, практически не оставив по себе памяти худож-

ника, но навсегда запомнившись своей самоотверженной, героической любовью к искусству. Его пригласили в Эрмитаж помочь в эвакуации коллекции, когда времени было уже в обрез. Километры великих холстов вынимались из рам и наматывались на валы, чтобы отправиться за Урал, в далекий и безопасный Свердловск. Людей не хватало, и холсты срезали прямо с подрамников. Александр Иванович занимался Рембрандтом. Несколько дней и ночей он пролежал на полу, вынимая один за другим старинные гвоздики, крепившие холсты к подрамникам. Он работал точно так же, как когда-то над росписями в церкви в Натальевке, – днем и особенно ночью, когда ему никто не мог помешать. Тот трепет, глубокое знание и преклонение перед историей искусства, которые помешали Савинову обрести свою узнаваемую, самобытную и самоценную индивидуальность в творчестве, которые, по сути, лишили его славы и, несмотря на "слишкомталантливость", причислили к котрте не первых, но всего лишь "недооцененных", обернулись сохранением полотна великого голландца без единого повреждения. Вопреки всему – обстоятельствам, указаниям, здравому смыслу. Разве это так уж мало для одной человеческой судьбы?

Аглая НЕЖИНА

А.Савинов. "Портрет жены художника". 1909 г.

Кувальтура. - 2003. - 6-12 нояб. - с. 9